

В глазах Феникса промелькнуло недоумение, но Цянье Люша не колебалась ни секунды, вонзив кинжал прямо в её сердце.

— Прости, но то, что мне нужно, есть только у тебя, — произнесла она, слегка усиливая давление на рукоять, и лезвие рассекло грудь Феникса.

Море крови, хлынувшее из тела Бессмертной Птицы, мгновенно испарилось в пламени, и лишь одна капля превратилась в кровавый камень, упав в ладонь Цянье Люша.

Пламена на теле Феникса постепенно угасали, а золотые перья, словно увядшие растения, теряли свой блеск.

— Кто ты... — голос Бессмертной Птицы был хриплым и усталым, а в уголках её глаз, казалось, блестели слёзы.

— Цянье Люша, — слегка улыбнулась она, с любопытством разглядывая кровавый камень в своей руке.

— Ты не... Я её знаю...

— О? — Цянье Люша вытащила кинжал и рассмеялась. — Ты это заметила, но всё равно была глупа. Только из-за того, что у нас одно лицо, ты упустила шанс убить меня и спасти своего брата.

Холодные и безжалостные слова вызвали у Феникса почти безумный смех.

Хорошо.

По крайней мере, даже если ей пришлось пожертвовать собой, последний, кто убил её, был не Люша...

Цянье Люша, не оглядываясь, повернулась и ушла под изумлёнными взглядами множества эльфов. Цзян Чжэн поспешила за ней, но тысячи слов застряли у неё в горле, не находя выхода.

Когда вокруг больше никого не осталось, Цянье Люша вдруг присела на корточки, обхватив колени руками. Сначала она молчала, затем сдержанно, а в конце разразилась рыданиями.

Две тысячи лет назад, убившая тебя — это я.

Две тысячи лет спустя, убившая тебя — снова я.

Даже если ты больше не узнаёшь моё нынешнее лицо, я не могу избежать этой вины.

В этом выборе я была камнем, ранившим тебя до глубины души, и никогда не была невинной.

Цзян Чжэн не могла представить, какую боль испытывала Цянье Люша. Возможно, она никогда не сможет понять даже малой доли этого.

В конце концов, в том мире, откуда она сама родом, она была просто человеком, который мог заплакать из-за мелочи.

Если бы только она не видела всё это своими глазами, чтобы истории о великих жертвах, выборе между жизнью и смертью, потере самых близких оставались лишь чужими рассказами, лёгкими и беззаботными.

На обратном пути окружающий пейзаж изменился.

Произошедший выбор привёл к тому, что воспоминания за эти две тысячи лет стали искажаться, и эти изменения, нахлынув за короткое время, вступили в яростный спор с её прежними воспоминаниями, делая каждый шаг невероятно тяжёлым.

Тем не менее, её шаги оставались такими же твёрдыми, как и на пути сюда, и, несмотря ни на что, она не останавливалась ни на мгновение.

Она всё ещё улыбалась, но на её щеках оставались следы слёз.

В этой жизни даже последняя ненависть, оставленная Фениксом, исчезла. Кроме ответственности, у неё больше ничего не осталось, и теперь она больше ничего не потеряет.

Она не могла понять, хорошо это или плохо, или, возможно, это было ещё одним наказанием, оставленным Фениксом.

Как бы то ни было, она могла только двигаться вперёд.

Только когда она наконец вернулась в тот прежний мир, она почувствовала облегчение, закрыла усталые глаза и погрузилась в глубокий сон.

Цзян Чжэн увидела, что в глазах Чаншэн и Баоцзы читалась тревога. С трудом выдавив улыбку, она покачала головой:

— Со мной всё в порядке.

Она сказала себе — ты, в конце концов, всего лишь наблюдатель.

Чаншэн долго молчала, затем подошла и произнесла:

— Ты говоришь, что с тобой всё в порядке, но я вижу обратное.

Цзян Чжэн была удивлена реакцией Чаншэн, которая никогда не была человеком, любящим копаться в чужих делах. Но сейчас в её глазах горел почти пылкий взгляд, от которого невозможно было скрыться.

— С тобой... что-то не так...

Чаншэн крепко сжала губы, долго молчала, и в её глазах, казалось, навернулись слёзы:

— Пока тебя не было, я боялась, что ты больше не вернёшься.

Слова Чаншэн вызвали у Цзян Чжэн смешанные чувства.

Она всегда считала, что Чаншэн уже достаточно зрелая и сильная, и даже думала, что эта внешне юная девушка, за исключением недостатка хитрости, во многом превосходит её саму и вряд ли будет плакать из-за пустяков.

Но теперь Чаншэн стояла перед ней, не скрывая своей уязвимости.

Эта уязвимость была вызвана беспокойством за неё, и Цзян Чжэн совершенно не знала, как её утешить, поэтому лишь улыбнулась и сказала с напускным безразличием:

— Что за глупости, как я могла не вернуться? Жрица ещё не выполнила своё обещание, и я не собираюсь позволять ей так легко отделаться.

Чаншэн стиснула зубы:

— Я знаю, но я всё равно боюсь.

На самом деле Цзян Чжэн отсутствовала не так уж долго, но с того момента, как она исчезла из поля зрения Чаншэн, та почувствовала невыносимую муку, каждую минуту ощущая себя как на иголках.

Цянье Люша лишь сказала, что вернётся на две тысячи лет назад, чтобы добыть кровь из сердца Бессмертной Птицы, но никто не знал, как она собирается это сделать и к каким последствиям это приведёт.

Могли ли эти последствия привести к тому, что Цзян Чжэн и она сама больше никогда не вернуться, никто не мог сказать.

Если бы с Цянье Люша что-то случилось, на чью помощь могла бы рассчитывать Цзян Чжэн, чтобы вернуться в этот мир?

Чаншэн прекрасно понимала, что Цзян Чжэн никогда не принадлежала этому миру, её появление было случайностью, которую никто не мог объяснить, и если однажды она вдруг исчезнет, никто не сможет её удержать.

В конце концов, это была случайность, которую она сама не могла контролировать, и из её повседневных слов нетрудно было понять, что она тоскует по своей родине. Если бы у неё был выбор, она бы никогда не захотела прийти в этот мир.

Именно поэтому Чаншэн никогда не надеялась, что сможет оставить Цзян Чжэн рядом навсегда, лишь мечтая однажды помочь ей снова стать человеком, живым и настоящим, стоящим перед ней, чтобы ей больше не нужно было скрывать свои взгляды и сдерживать желание говорить с ней...

Что касается будущего, пусть всё идёт своим чередом, даже если однажды Цзян Чжэн найдёт способ вернуться в свой мир, она не сможет её остановить, не так ли?

Но, несмотря на то, что она всё понимала, страх не покидал её.

Оказывается, она не была такой великодушной, как думала.

Ведь они провели вместе столько времени, и если в день прощания она даже ни разу не коснётся её руки, как печальна будет эта встреча?

— Ачжэн, в следующий раз, куда бы ты ни отправилась, я не позволю тебе идти одной.

Тон Чаншэн был предельно серьёзным, настолько, что Цзян Чжэн не могла не рассмеяться, но при этом была глубоко тронута.

Для того прежнего мира она была бесстыдным вредителем, в глазах многих она была тем, кто обманывал людей и жил впустую, чья жизнь была пустой тратой воздуха.

Для этого мира она была эфемерным существом, не заслуживающим внимания, но почему-то глупая принцесса считала её сокровищем.

Можно ли это считать удачей?

— Ладно, я вернулась, — сказала Цзян Чжэн, прикусив губу и улыбнувшись. — Я расскажу тебе секрет.

Чаншэн вытерла слёзы:

— Разве есть секреты, которые я не знаю?

— Ты многого не знаешь, и если я не хочу, чтобы ты узнала, ты никогда не узнаешь, — с этими словами Цзян Чжэн жестом пригласила Чаншэн следовать за ней и направилась в комнату, где они временно остановились.

Баоцзы, почти не задумываясь, встал со стула, инстинктивно захотел последовать за ними, но, вспомнив слова о «секрете», мгновенно потерял смелость.

Он снова опустился на стул, подперев щеку рукой, и уставился на бабочек, порхающих за окном.

Слепая ухаживала за Цянье Люша, Чаншэн и Цзян Чжэн ушли в комнату обсуждать секреты, а он оказался лишним.

Цзян Чжэн, с таинственным видом, привела Чаншэн в маленький домик и попросила закрыть окна и двери.

Под любопытным и тревожным взглядом Чаншэн она раскрыла секрет, который был для неё очень важен.

— На самом деле, при жизни я занималась обманом.

— ... — Чаншэн на мгновение онемела, уголки её глаз слегка подёргались.

— Что это за реакция?

Чаншэн, избавившись от холодного выражения, глубоко вздохнула:

— Мне всё равно, каким ты была раньше, по крайней мере, ты не обманывала меня.

<http://bllate.org/book/16480/1497202>